

УДК 172. 4

РИСКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Миловзорова Мария Николаевна, кандидат философских наук, доцент Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

Щёголев Евгений Николаевич, старший преподаватель Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

Аннотация

Существенную угрозу безопасному развитию общества в условиях цифровизации практически всех сфер жизни представляет собой этический релятивизм граждан цифрового общества, и в первую очередь моральная индифферентность специалистов, осуществляющих научные исследования и разработки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая экономика, этический релятивизм, безопасное развитие, ноосферная аксиология.

RISKS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF DIGITAL SOCIETY

Milovzorova Maria Nikolaevna, Candidate of Philosophy, associate professor at the Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

Schegolev Eugene Nikolaevich, senior lecturer at the Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

Abstract

There is a threat to the safe development of society in the digitalization of virtually all spheres of life which is the ethical relativism of the citizens of the digital society, and above all the moral indifference of specialists engaged in research and development.

KEYWORDS: digital economy, ethical relativism, safe development, noospheric axiology.

Развитие новых информационных технологий повлекло за собой мощное воздействие на сознание человека. В результате мы наблюдаем формирование *устойчивой зависимости* человека от информационных технологий, занижение роли человеческого фактора в принятии решений, не только обыденных, но и управленческих. Следовательно, уникальность человеческой личности как основополагающей ценности культуры может быть утрачена или сведена к «массовому» или «одномерному» человеку как объекту, удобному для манипулирования. Сегодня образованный человек остаётся узким специалистом и нуждается в целой системе посредников (трансляторов, проводников, толкователей, популяризаторов), которые будут его вести по разнообразным информационным потокам, адаптируя транслируемую информацию на уровень его понимания. Поэтому в настоящее время остаются актуальными поиски ответа на вопрос: как возможно человеку избежать крайностей полного отказа от цифровых технологий до полного в них растворения.

В июле 2017 года в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» были определены восемь направлений развития цифровой экономики в России: государственное

регулирование; государственное управление; информационная инфраструктура; информационная безопасность; исследования и разработки; кадры и образование; умный город; цифровое здравоохранение. Практически все сферы жизни человека переводятся на цифровую платформу.

Следует обратить внимание на то, что в программе содержится аксиома о том, что трудовая (включая учебную) деятельность гражданина фиксируется в его цифровой персональной траектории развития. К 2020 году доля трудоспособного населения, имеющего цифровую запись персональной траектории развития, прогнозируется равной 10%, а к 2025 году эту долю планируют увеличить уже до 80% [9]. В то же время численность населения городов, участвующих в концепции «50 «умных» городов России» к 2020 году предполагается 25 млн. человек, к 2025 прогнозируется удвоение этого показателя до 50 млн. человек [9]. Эти данные показывают тенденцию к всеобъемлющему контролю за каждым гражданином цифрового общества. Те, кто будет пытаться уклоняться от такого контроля, де факто будут занимать в обществе маргинальные позиции.

Руководители Научной школы устойчивого развития Университета «Дубна» О.Л. Кузнецов, Б.Е. Большаков приходят к выводу о том, что «множество глобальных кризисов, раздирающих Человечество, порождено не нехваткой ресурсов, не проблемой перенаселения и чрезмерной нагрузки на окружающую среду, а прямым или косвенным, осознанным или неосознанным нарушением общих законов Природы в системе «природа – общество – человек» [6, с.7] Идеология sustainable development создана исключительно на основе представлений западной научной школы, которая опирается на открытые физикой за последние 300 лет законы сохранения (массы, импульса, энергии и др.), пригодные для замкнутых (по потокам энергии) систем и видит будущее человечества в *ограничении* пределов роста народонаселения. Предлагается контроль динамики роста народонаселения в целях защиты биосферы от чрезмерной антропогенной и техносферной нагрузки. Это в свою очередь порождает «глобальный димензиальный разрыв между элементами мировой системы» [6, с.16] Русская научная школа прогнозирует переход к глобальной ноосферной цивилизации, а Общее Дело Человечества видит в борьбе со всеми формами возрастания энтропии посредством формирования такого Человека, который способен реализовать на практике свой творческий потенциал «во имя Развития Жизни во всех формах ее проявления на Земле и в Космосе» [6, с.16].

В макромодели государственного регулирования экономики, разработанной Величко М.В., Ефимовым В.А., Зазнобиным В.М. и представленной в монографии «Экономика

инновационного развития. Управленческие основы экономической теории» показана обусловленность хозяйственной деятельности *биосферно-экологической* политикой государства. Термины «экология» и «экономика» происходят от одного и того же греческого слова *Οἶκος* — обиталище, жилище, дом, имущество [3, с.270-271]. Именно определенность биосферно-экологической политики открывает возможности к выработке демографической политики государства, которая должна определить количественные и качественные (медико-биологические и социокультурные) показатели, которыми должно обладать население в каждом регионе, а также параметры миграции населения между регионами, допустимые как с точки зрения бесконфликтности внутрисоциальных отношений, так и в биосферно-экологических аспектах. При этом необходимо учитывать приоритетность демографической политики – как фактора, которому подчиняется экономическая политика, а не наоборот, как это имеет место в либерально-рыночной экономической модели, при распространении которой в глобальных масштабах в категорию «экономически избыточного» населения, подлежащего уничтожению теми или иными средствами и способами, может попасть большинство населения тех или иных государств. Хотя демографические параметры и обуславливают возможности ведения экономической деятельности, но экономическое *обеспечение* демографической политики способно повысить как качество жизни, так и расширить возможности ведения экономической деятельности за счет повышения качества труда работников [3, с. 267].

Следует также учитывать, что общество генерирует свои запросы на потребление природных благ и продукции, которые не всегда и не обязательно лежат в русле путей безопасного развития. Поэтому обязанность государства – отнести запросы общества к одной из двух категорий: 1) вектор целей управления экономикой, вбирающий в себя всё, что необходимо для развития общества и обеспечения устойчивости биосферы; 2) собственные шумы, генерируемые социально-экономической системой, и помехи, вводимые в неё извне, – это все те запросы на потребление, удовлетворение которых угрожает безопасности общества и биосферы. Политика безкризисного развития культуры общества должна быть направлена на сведение к нулю запросов на потребление, относимых к категории собственных шумов и помех извне, поскольку такого рода запросы порождают тенденции к уходу общества с траектории, лежащей в пределах множества путей безопасного развития [3, с.271-272].

В то время как Президент НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчук в Докладе Совету Федерации РФ 30 сентября 2015 года связывал причины того глубинного

сложнейшего кризиса, который человеческая цивилизация переживает за всю историю своего существования, именно с кризисом науки [4], мы полагаем, что тупиковые ветви движения науки связаны в первую очередь с кризисом нравственности, со своего рода моральной амнезией, отрицанием моральной ответственности деятелей науки, образования и воспитания. Научные достижения не должны быть безразличны к добру и злу, успехи науки не должны обгонять совершенствование нравов, иначе наука становится смертельно опасной для биосферы и человека как ее части. Предостережение о том, куда может привести наука, оторвавшаяся от нравственного и духовного начала, железной рукой направляющая человекообразных особей к принудительному «счастью», уже в 20-х годах XX столетия сделал Е.И.Замятин в антиутопии «Мы»: «Если они не поймут, что мы несем им математически-безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми» [5, с.307]. Причем в настоящее время в русле культуры массового потребления трактовки «счастья» пропагандируются как данность, как полуфабрикаты, в готовом, упакованном виде, и эквивалентны они релятивизму (вседозволенности) и гедонизму: минимизация отрицательных эмоций, максимизация положительных. Ж. Бодрийяр пишет о «fun-morality» – навязываемом потребителю императивном приказе развлекаться, «использовать до дна все возможности» [2, с.110]. Однако, исторический опыт показывает, что жизненный стиль и мировоззрение, направленные исключительно на удовольствия и развлечения, иллюстрируют, безусловно, старческий, увядающий, угасающий образ жизни как отдельного человека, так и общества в целом. И в перспективе последуют закат и смерть культуры, что в свою очередь приведет к упадку и разложению государства и превращению населения в этнографический материал.

Ж.Ж. Руссо верно выявил способность наук и искусств (а, следовательно, и технологий) к формированию у людей привязанности к своему рабскому состоянию: «В то время как Правительство и Законы обеспечивают безопасность и благополучие объединившихся людей, Науки, Литература и Искусства – менее деспотичные, но, быть может, более могущественные, – покрывают гирляндами цветов железные цепи, коими опутаны эти люди; подавляют в них чувство той исконной свободы, для которой они, казалось бы, рождены» [10, с.27]. Действительно, в современной массовой культуре потребления свобода заменяется суррогатом «свободы веселиться, наслаждаться», комфортабельной «свободы от нужды», на которую обычно могут рассчитывать домашние животные в клетках.

Ф. Уэбстер остро ставит вопрос об *этическом релятивизме*, так называемом «постмодернистском любовании релятивизмом» членов информационного общества, по его

мнению, атакованных знаками со всех сторон: «человек не испытывает реальной потребности в правдивых знаках, поскольку он соглашается с тем, что никаких правд больше не существует» [12, с.29]. О том, что теперь *релятивизм* доминирует в системе ценностей общества потребления, пишет и Ж. Бодрийяр: максимальная подвижность, социальная мобильность, гуттаперчевость становятся свидетельством моральности представителей культуры эры l'human engineering. Речь идет о принципе социометрического соответствия в западном обществе: «быть *подвижным вместе со всем миром* и преодолевать закодированные ступени иерархии, знаки которой неукоснительно распределяются». Причем «эта постоянная совместимость является всегда также *счетоводством* – то есть индивид, определенный как сумма его отношений, его «валентностей», всегда подлежит подсчету: он становится счетной единицей и сам входит в социометрический (или политический) план-расчет» [2, с.216-217].

Ф. Фукуяма выражал свою озабоченность тем, что мораль требует различать лучшее и худшее, добро и зло, «а это видимым образом нарушает демократический принцип толерантности» [13, с.458]. Он добавлял также, что современное универсальное образование, без которого, по его мнению, ни одно общество не может подготовиться к жизни в современном экономическом мире, освобождает людей от приверженности традиции и авторитету, стимулируя таким образом явные тенденции к *релятивизму* [13, с.459].

В зависимости от того, какой принцип закладывается в основу управления обществом, в том числе и цифровым обществом, – *принцип олигархии* (благо малой элитарной группы) либо *принцип социальной справедливости* (благо большинства) – научная деятельность в первом случае подчиняется целям закабаления масс, пропаганде и террору, во втором случае усилия ученых направляются на служение общественному благу. Однако в настоящее время человечество выстроено в *иерархию*, базирующуюся на отношениях политического, экономического, социального, культурного и даже биологического неравенства. И сегодня созданы все условия для формирования информационных систем экономического империализма и создания «виртуальных империй» как принципиально новых форм политической интеграции и мобилизации информационно-коммуникативного пространства. Это пространство активно наполняется виртуальными корпорациями и научными лабораториями, виртуальной продукцией и образами инновационных решений, средствами телекоммуникационной работы и дистанционного образования, электронными финансовыми системами и виртуальными деньгами. На этой основе формируется механизм экспансии в виртуальном пространстве [7, с.80]. Те страны, которые создали механизмы получения необходимых знаний (информации) извне, смогли фактически превратить информационных «доноров» в неколониальные

образования информационного общества. Примером может служить политика США, которая посредством Internet получает доступ к интеллектуальным продуктам всего мира. Об этом упоминал Зб. Бжезинский: «США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя. Это связано не только с тем, что государства-нации постепенно становятся более проницаемыми друг для друга, но и с тем, что знания как сила становятся всё более распространёнными, всё более общими и всё менее связанными государственными границами» [1, с.248].

М.В. Ковальчук обратил внимание на то, что в условиях глобализации США добились абсолютной прозрачности научно-образовательной сферы, в том числе и навязываемыми ими наукометрическими системами оценки достижений ученых: в открытом доступе находится полная информация о результатах, исполнителях, кадровом резерве НИР и ОКР, созданных и подготовленных за счет национальных бюджетов различных других государств мира. То есть США получили возможность, не участвуя собственными ресурсами, за счет интеллектуальных, энергетических, финансовых, территориальных ресурсов внешнего мира в полной мере использовать результаты чужих исследований, неформально влиять на принятие решений, рекрутировать их исполнителей и вербовать перспективные молодые кадры [4].

Исследователь информационного общества И.Д. Тузовский обосновал тезис о quasi информационном обществе (QIS) как *производного* от техногенной цивилизации. Важнейшие атрибуты QIS [11, с.318-320] мы отметили в таблице 1 ниже.

Таблица 1. Основные атрибуты quasi информационного общества, по И.Д. Тузовскому

Атрибут	Аспект
Субъективное завышение значимости информации и постулирование ее статуса как важнейшего ресурса	Коммуникативный
Аудиовизуальная примитивизация, дискриминация письменной культуры	
Информационная перегрузка	
Замещающее биосферу развитие техносферы	Научно-технический
Технократизм элит и приобретение техническими экспертами псевдоэлитарного статуса	
Капиталистический экономический уклад	Экономический
Иррациональная модель «общества расточительства»	
Появление нового измерения глобального неравенства – информационного	Социальный
Формирование нового «праздного класса»	
«Удвоение» общества в технологической виртуальной среде (Интернет)	
Профанация демократических институтов манипулятивным использованием технических и социальных информационно-коммуникационных технологий, в том числе для установления мягкого контроля за гражданским обществом	Политический
Глобальное разделение мира в зависимости от отношения к исследованиям в области новых технологий и правообладания ими	
Доминирование массовой культуры, модель производства – потребления которой вписана в контекст «инновационной эскалации»	
Замена теоретического универсального образования практическим узкоспециальным образованием	

Дегуманизация культуры	Культурный
Глобализация культуры: преимущественный сценарий – гомогенизация по евроатлантическому образцу, вторичные сценарии – интеграция и конвергенция культур	
Архаизация процессов и продуктов культурного творчества	

Исходя из таблицы 1, современное quasi информационное общество можно охарактеризовать как *«глобальное техногенное общество, система коммуникаций которого основана на теле-, радио- и цифровых технологиях, а экономика основана на капиталистических принципах производства и консьюмеристской идеологии массового потребления»* [11, с.324].

Причем И.Д. Тузовский выявил следующие парадоксы, возникающие в подобном *иррациональном* обществе:

- по мере повышения юзабилити цифровых технологий и продуктов снижаются требования к технической грамотности пользователей, которые становятся, скорее, заложниками, нежели владельцами цифровых продуктов;
- технологии дезинформации и социальной манипуляции развиваются быстрее, чем технологии «честной трансляции»;
- максимальное значение стоимости информационных продуктов зависит только от спроса на них, который главным образом определяется маркетинговыми и рекламными ухищрениями, т. е. совершается в контексте технологий социальной манипуляции;
- всё больший объем информационных потоков становится шумовым фоном нашей цивилизации, поскольку информации производится больше, чем ее в состоянии потребить [11, с.325].

В качестве меры профилактики и решения тех вызовов, которые предъявляет человеку цифровизация как одно из средств управления техносферной цивилизацией, мы предлагаем использовать *ноосферную аксиологию* [8] – систему ценностей, которая позволяет осуществиться объективному процессу глобализации в русле ненасильственной парадигмы становления и развития глобального общества. Потенциал ноосферного подхода способствует реализации на практике новой парадигмы взаимодействия человека, природы и общества, что в конечном итоге делает возможным достижение устойчивого развития не в какой-либо отдельно взятой стране (регионе) за счет геноцида депрессивных регионов, а всех граждан глобального общества в биосфере Земли.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 1999. – 256 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., посл. и примеч. Е.А.Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с.
3. Величко М.В., Ефимов В.А., Зазнобин В.М. Экономика инновационного развития. Управленческие основы экономической теории: монография. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Концептуал, 2017. – 584 с.
4. Доклад М.В. Ковальчука Совету Федерации РФ 30 сентября 2015 года в рамках «Времени эксперта» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/press-center/news/59290>. Дата обращения: 05.02.2016.
5. Замятин Е.И. Мы // Замятин Е.И. Избранное. – М.: Издательство «Правда», 1989.
6. Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е. Мировоззрение устойчивого развития. – М.: РАЕН: Дубна, 2013. – 221 с.
7. Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. – М., 2003
8. Миловзорова М.Н. Проблемы развития ноосферной аксиологии как меры упреждения угроз космополитической стратегии глобализации // Ноосферное образование в евразийском пространстве. Том шестой: Ноосферное образование как механизм устойчивого развития России в XXI веке: коллективная научная монография / Под науч. ред. А.И. Субетто, Г.М. Иманова. – СПб.: Астерион, 2016. – С. 129-134.
9. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждена Распоряжением Правительства РФ №1632-р от 28.07.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> Дата обращения: 14.05.2018.
10. Руссо Ж.Ж. Рассуждение по вопросу: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? // Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, – 1998.
11. Тузовский И.Д. Утопия – XXI: глобальный проект «Информационное общество». – Челябинск, 2014. – 389 с.
12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. М.В. Арапова, Н.В. Малыхиной / Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 588 с.